

В. Л. Удалов

ПЬЕСА Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА «НА ЗОЛОТОМ ДНЕ» — ФИНАЛЬНАЯ РЕДАКЦИЯ «ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННИКОВ»

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк (1852–1912) вошел в литературу как один из крупнейших реалистов конца XIX — начала XX в. наряду с Л. Н. Толстым, А. П. Чеховым, В. Г. Короленко.¹ Он широко известен как автор романов «Приваловские миллионы» (1883), «Горное гнездо» (1884), «Золото» (1892), «Хлеб» (1895), а также «Уральских рассказов» (1888–1889), «Аленушкиных сказок» (1894–1896) и др. Но драматургия Мамин-Сибиряка до сих пор слабо представлена и в литературоведении, и на сцене. Как правило, в вузовских учебниках о ней нет ни слова. Исключение составляет учебник М. В. Теплинского «История русской литературы XIX в.» (Киев, 1991), где сказано: «Не была удачной и сценическая судьба пьесы Мамин-Сибиряка, который по справедливости считается одним из предшественников Чехова в разработке идейно-художественных принципов “новой драмы”».²

Между тем в 1880–1900-е гг. Мамин-Сибиряком было задумано два десятка пьес разных жанров. На основе большинства замыслов им были созданы прозаические произведения. Завершены были только три пьесы. Одна — это не видевшая сцены и даже неопубликованная «Маленькая правда» (1890). Другая — «Общий любимец публики» (1888) — в 1889 г. переделана в одноименный роман (текст пьесы до сих пор не найден). Третья пьеса — «Золотопромышленники» (1887), известная больше под названием «На золотом дне» (первоначальное название, использованное театрами). Эту пьесу знали в свое время в России, на Украине, в Болгарии, а также в Германии, Франции. В 1950–1970-е гг. «Золо-

топромышленники» были известны и по кинофильму «Во власти золота» Свердловской киностудии (1957).

В 1980–1990-е гг. кинофильм был забыт, других киноверсий не последовало, а сама пьеса сошла со сцены. Да и деятельность Мамин-Сибиряка как драматурга, театрального обозревателя и критика почти забыта, хотя в 1955 г. А. Мацкин справедливо писал, что «в общем потоке драматургии так называемого “безвременья”, когда Островский уже умер, а имя Чехова с театром еще напрямую не связывалось», Мамин-Сибиряк занимал «особое место».³

В общем, налицо серьезная недооценка роли Мамин-Сибиряка-драматурга. В такой ситуации можно только приветствовать развернувшуюся работу по изданию полного собрания сочинений писателя-классика.⁴ В связи с этим есть возможность намного глубже узнать и Мамин-Сибиряка-драматурга.

Вначале скажем о постановках, кинофильме и самом печатном тексте «Золотопромышленников». В отличие от авторского текста, в постановках и кинофильме присутствуют новые финалы, есть серьезные купюры, дополнения, резкие изменения. Существуют также противоположные трактовки сюжета и образов, разное понимание идейного смысла пьесы.

Так, в Ленинградском театре драмы им. А. С. Пушкина (1954), в Калининском (1955), Измаильском (Украина, 1958), Калужском (1965) и других театрах (1970-е гг.) пьеса ставилась в духе модных мелодрам и водевилей XIX в., с фальшивыми переживаниями героев, картинными позами, чуждыми автору мотивами и сценами. Душещипательный фильм «Во власти золота» также принес на экран дух «черных романов» XVIII в. В результате, как писала критика, «где-то уже на полпути к финалу терялся Мамин-Сибиряк».⁵

Что ж, данный вывод весьма справедлив. Мамин всегда возмущался «драмоделами»,

¹ См.: Дергачев И. А. В главном русле литературы: Д. Н. Мамин-Сибиряк в 80-е годы // Уральский современник. 1952. № 3. С. 209–224; Груздев А. Д. Н. Мамин-Сибиряк: критико-биографический очерк. М., 1958. С. 3, 168, 182, 183.

² Теплинский М. В. История русской литературы XIX века: учеб. пособие для студ. спец. «Украинский язык и литература». Киев, 1991. С. 340.

³ Мацкин А. Оправдание гротеска: «На золотом дне» в театре имени Евг. Вахтангова // Театр. 1955. № 10. С. 60.

⁴ См.: Мамин-Сибиряк Д. Н. Полное собрание сочинений: в 20 т. Екатеринбург, 2002–2007. Т. 1–4.

⁵ Бауман Е. Отцвели уж давно хризантемы... // Искусство кино. 1958. № 4. С. 55.

которые «внутреннюю бессодержательность и пустоту стремятся заменить внешними эффектами и оригинальничаньем». ⁶ Авторы подобной макулатуры он иронически называл «доморощенными Шекспирами». ⁷

Иными были спектакли Свердловского, Московского им. Евг. Вахтангова, Тульского театров (Россия), Винницкого, Харьковского, Николаевского (Украина), Казахстанского театров. В них, по свидетельствам прессы, писатель был понят как тонкий психолог-реалист, знаток быта, морали, нравов своего времени и их обличитель, смелый сатирик. Обнаружилась значительность идей пьесы, глубина психологии героев. Имя автора стали упоминать в ряду имен прославленных драматургов.

Вместе с тем подлинно маминскими не назовешь и эти спектакли. Прежде всего потому, что они выдержаны в стиле Островского, Сухово-Кобылина, Салтыкова-Щедрина, но не Мамина-Сибиряка.

Причины тут разные, но главная в том, что в основе театральных постановок и кинофильма лежал *предпоследний* (как увидим позже, вынужденно искаженный автором ради первого прохождения драматической цензуры) текст пьесы, опубликованный впервые в 1887 г. Этот текст и печатался в 1949 г. в 6-м томе 12-томного собрания сочинений писателя, вышедшего под редакцией Е. Боголюбова. В тексте, наряду с явными достоинствами, есть и недостатки: явный мелодраматизм (усиленный театрами), расплывчатость ряда образов, иногда нечеткость действия. Все это мешало адекватному пониманию авторского замысла, поэтики произведения, а отсюда и глубины идейного звучания пьесы.

Постановки львовского театра (1973, режиссер-постановщик С. Ярмолинец) глубже всех раскрыли замысел драматурга. В свое время мы писали об этом: «Работая с печатным текстом, львовский театр не ограничился внешним рисунком ролей, показал на сцене не бытовую или психологическую, а мировоззренческую трагикомедию, близкую по духу чеховским пьесам». ⁸ Показана была жизнь конца XIX в. во всей ужасающей наготе: с двойными стандар-

тами, откровенным развратом, продажностью, моральным разложением, жадной наживы, а главное — с властью денег, золота, цинизмом, «преступлениями против жизни», — и все это в гораздо более резкой форме, чем у Чехова в 1880-е гг. (сказалась бóльшая обнаженность пороков жизни на Урале тех лет).

Зритель знакомился не столько с конкретными, геройскими, сколько *вне-геройскими*, глубинными, социально-закономерными столкновениями (герои их, однако, не осознают), т. е. с противоположностью двух начал — стремления персонажей к благополучию, счастью и, с другой стороны, грязных путей, какими они шли к цели. Об этом и сказал режиссер, делясь замыслом постановки: «Спектакль показывает: когда человек строит свое счастье на несчастье других, рвется напролом, не разбирая дороги, игнорируя все светлое и чистое, предавая себя и других, он неизбежно придет к краху, духовному разложению, к гибели». ⁹

Все это звучит в унисон с размышлениями драматурга, который писал: «Издrevле и до днесь Урал — арена исключительных преступлений (в лапах “золотого тельца”). Прежде всего поражает множество и разнообразие преступлений против жизни: убийства, изнасилования, отравления, разбои, грабежи. Об интригах дельцов, о преступлениях против имущественных прав уже не говорим. Аномалии приняли нормальную форму». ¹⁰ Этим и объясняется острота конфликта в пьесе Мамина-Сибиряка.

Кто же думал, что представленное в пьесе и показанное на львовской и других сценах совсем скоро, в 1990–2000-е гг., вновь начнет разворачиваться в реальной жизни на постсоветских просторах. Этот факт заставляет еще пристальнее всматриваться в материал драматического произведения.

Львовские постановщики глубоко поняли замысел драматурга. И все же автор смотрел дальше: он обнажил исходную причину неправедных путей достижения счастья — власть над людьми золота, денег. Раскрытию этой мысли служат в пьесе и легенда о царе Мидасе, и обсуждение ее героями, и ряд реплик (к сожалению, из числа купюр, сделанных в спектакле).

⁶ Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников / [подгот. текста и коммент. Б. Д. Удинцева; общ. ред. и вступ. ст. И. А. Дергачева]. Свердловск, 1962. С. 44.

⁷ ГЦТМ им. А. А. Бахрушина. Ф. 133. Ед. хр. 104377. Письмо Мамина-Сибиряка Ф. А. Куманину от 7 июня 1892 г.

⁸ Удалов В. Мамин-Сибиряк на львовской сцене // Вільна Україна. 1973. 7 янв. С. 3.

⁹ Там же.

¹⁰ Мамин-Сибиряк Д. Н. Письма с Урала / публ. И. А. Дергачева // Урал. 1967. № 8. С. 144; № 10. С. 144, 145.

Именно эта, исходная, причина бед и трагедий горе-героев намного четче, ярче предстала в последнем, каноническом тексте пьесы — «На золотом дне».

Мы уже писали о том, что в РГАЛИ (Москва) хранится письмо Д. Н. Мамина-Сибиряка от 2 сентября 1888 г., адресованное И. М. Кондратьеву. В нем читаем: «Имею честь известить Вас, что моя пьеса “Золотопромышленники” переделана мною нынешним летом и получена уже из цензуры. Название новое: “На золотом дне”».¹¹

Единственный экземпляр этого текста, написанный рукой переписчика, был нами обнаружен в 1968 г. в архиве драматической цензуры в Государственной театральной библиотеке им. А. В. Луначарского (Санкт-Петербург). Фотокопия текста хранится у автора статьи. Титульный лист гласит: «Д. Н. Мамин-Сибиряк. На золотом дне. Комедия в 4-х действиях». Есть отметка, что пьеса получена цензурным комитетом 26 мая 1888 года. Здесь же ответ цензора Альбединского: «К представлению дозволена. 29 мая 1888». Даты говорят о том, что разрешение дано уже без тщательного изучения доработанного текста.

В окончательной редакции писатель, как видим, вернулся к заглавию ранних редакций пьесы (это заглавие уже не скрывало, а обнажало главную идею). Театры оказались правы. В остальном — множество изменений, в том числе и крупных. Они связаны с устранением модного в те годы мелодраматизма, а также с дальнейшей шлифовкой автором драматического действия, композиции, характеров ряда героев. Изъят был и образ Чепракова, смущавший режиссеров-постановщиков своей малой значимостью.

В результате в пьесе установилась гармоничная связь основных ее начал — комического и трагического. Из развлекательной комедии пьеса стала четкой *сатирической трагикомедией* (как и сама жизнь в эпоху мрачной реакции 1880-х гг.). Трагизм постепенно выходит на первый план, накапливается и вытесняет начальную веселость, ведя зрителя к горькому в итоге пониманию *трагикомичности жизни* (как в пьесе, так и в реальности). Да и само название, неоднократно упоминающееся в тексте, постоянно намекает на причину трагедии — «на золотом дне».

Работа писателя шла и в другом направлении. Устранив отдельные реплики, сцены, автор освободился от лишних деталей и ярче выделил главную фабулу. В основе ее лежит новаторский для драматургии того времени внутриобстоятельный конфликт — *столкновение объективных сил* (к тому же неосознаваемых горе-героями) — власти золота (денег, наживы) и человечности.

Трагикомедию «На золотом дне» (1888) пронизывает главная тема — *счастья и поисков счастья*. Именно к счастью стремится большинство героев, именно о счастье так или иначе высказываются все действующие лица пьесы, предоставляя читателю (и зрителю) возможность делать выводы.

Главная фабула пьесы сводится к следующему.

В уральский город Загорье возвращается дочь богатого золотопромышленника Молокова Анисья, более трех лет проживавшая у тетки в Нижнем Новгороде, куда она была отправлена отцом (как бы сослана) за то, что любила Васю, приказчика золотопромышленника Засыпкина. Энергичная, смелая, живая, способная на сильное, глубокое чувство, она все три года берегла свою любовь, ею жила, о ней мечтала. В то же время, воспитанная в среде, где деньги, золото — это все, она с детства привыкла считать себя богатой невестой и без богатства не мыслила счастья.

Вернувшись, она узнает, что отец разорен Засыпкиным (позже выяснится: чтобы жениться на Анисье), а ее Вася полюбил другую — дочь Засыпкина Лену. И вот, став бесприданницей, лишившись любимого человека, Анисья оказалась перед необходимостью заново строить свою судьбу. После бурных переживаний она заявляет: «Ну, видно, прошлого не воротишь, надо учиться по-новому жить».¹² Решение Анисьи искать новое счастье — завязка. Но развитие действия пьесы связано не с внешней борьбой, а с постепенным и, главное, ретроспективным раскрытием духовного мира, мировоззрения и судьбы Анисьи, со сменой ее надежд, переживаний, с ее энергичными поисками, разочарованиями и с появлением новых замыслов.

Решив, что можно прожить и без любви, без человеческого счастья, она соглашается ради богатства выйти замуж за старика, кото-

¹¹ Удалов В. Название новое «На золотом дне»: Сообщение о находке окончательного текста пьесы // Литературная Россия. 1968. № 25. 21 июня.

¹² Здесь и далее текст пьесы цитируется по машинописи, хранящейся в Отделе рукописей и редких книг Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки.

рый разорил ее отца. Однако вскоре понимает, что «золотое счастье» — обман, оно не приносит радости. «Давит меня что-то, жжет вот здесь, — признается она наедине с собой. — На богатство польстилась и должна с Иваном Тимофеевичем миловаться...» Мучаясь сама, она, как постепенно выясняется, невольно издевается и над окружающими.

Затем у нее появляется новый замысел: к богатству, где нет подлинного счастья, она решает добавить любовь Васи, чтобы удовлетворить потребность в счастье «человечном». В этом и признается Васе. Не зная, однако, иных путей и способов борьбы за «человечное счастье», Анисья использует те приемы, которыми ее научила хищническая среда, ежедневная практика дельцов. Она обманывает мужа, возбуждает любовные чувства Васи издевательствами и кокетничаньем с Белоносовым, отвлекая этим кокетством внимание мужа и рассеивая сомнения наивной Лены. Отвечая на издевательства мужа еще более циничными издевательствами, она подчиняет его себе. Наконец, с холодным расчетом она идет на моральное преступление — заставляет Васю совратить Лену, чтобы он, женившись на Лене и живя в общем доме, мог тайно встречаться с ней, Анисьей.

Так и происходит. Казалось бы, теперь цель достигнута: Анисья и богата, и любима. Однако в силу вступает *объективный закон жизни*, неведомый героине, согласно которому любовь, завоеванная преступными путями, сама становится преступной и все разрушающей силой. В результате энергичная искательница счастья по-прежнему несчастна: Вася мучается от совершенных злодеяний, муж, подозревающий измену, подумывает застрелить ее, Анисью. И золото ее уже не привлекает, становится ненавистным. «Мне и своего золота по горло, папенька...» — горько заявляет она в ответ на предложение отца, нашедшего золотой прииск, озолотить ее.

И все же Анисья не собирается отступать в поисках счастья. Решительная, смелая Анисья предлагает любимому Васе новый план — бежать из дома Засыпкина, бежать из мира, где все пропитано властью золота, бежать вместе, чтобы быть просто, по-человечески счастливыми. «Уйдем, Вася, отсюда — и конец делу...» — заявляет она ему. Но и эта отчаянная попытка оказывается на грани провала. Вася, мучаясь моральным злодеянием (надругательством над Леной) и преступной связью с Анисьей, в

минуту отчаяния признается во всем Засыпкину в присутствии остальных. Анисья пытается спасти положение, спасти Васю, свою мечту о счастье. Для этого она лжет и прилюдно объявляет его сумасшедшим... Признание Васи и очередная попытка Анисьи спасти свое счастье — кульминация пьесы.

И тут наступает неожиданная развязка, свидетельствующая о бесплодности поисков счастья «на золотом дне». Беспощадная и бесчеловечная власть золота цепко держит в своих руках человека — индивидуальные усилия не способны помочь ему вырваться из ее оков, а сам беспощадный мир дельцов полон тайн, преступлений, лжи. В ответ Засыпкин в ужасе открывает при всех многолетнюю тайну: Вася — его незаконнорожденный сын. Следует многозначительная ремарка «Лена падает с криком» — и сюжет завершен, занавес опускается.

Трагический финал пьесы осмысливается уже самим зрителем-читателем: Вася, с любовью к которому связывались последние надежды Анисьи на счастье, раздавлен преступностью деляческого мира, этим невидимым противником, постоянно присутствующим в пьесе. Васю и прежде угнетало сознание того, что он совершил. Теперь же, когда Засыпкин раскрыл свою многолетнюю тайну, он одновременно становится любовником и своей сестры, и жены своего отца, и своей мачехи. Не случайно в черновых набросках пьесы он бросается в воду и тонет. Да и Анисье уже не с кем бежать (да и куда?) и незачем бороться, поскольку и она далека от понимания действительного противника, мешающего каждому и всем быть счастливыми.

Для ответа на вопрос «что несет золото другим героям? насколько силен этот противник?» автор параллельно изображает судьбы Молокова, Белоносова и Засыпкина — ярких поклонников власти золота.

Молоков — делец дореформенного закала. Он еще надеется на совесть и честность, свою и других, потому и выглядит наивным по сравнению с новыми, уже бездушными дельцами-хищниками — Засыпкиным и Белоносовым, которые в стремлении к «золотому счастью» полностью отбросили нормы морали. В пьесе есть экономическая сторона нового жизненного процесса (Засыпкин завладел приисками Молокова).

Но главное внимание приковано к анализу бездуховного, аморального мира новых дельцов, к решению вопроса о том, куда их ведет

полное подчинение власти золота, каким становится их «золотое счастье». Комичен адвокат Белоносов в 1-м акте, пока мы знаем о нем только то, что он пьяница и легкомысленный пройдоха. Но совсем иначе он выглядит в сцене с Анисьей (действие 2, явление б), когда узнаем, что он ради денег готов на любой самый низкий поступок, что он предает Молокова, потому что Засыпкин больше платит, что он обманывает и Засыпкина ради своей выгоды, а его пошлость и цинизм не имеют предела. Характер героя не изменился, он лишь раскрылся. Это Белоносов рассказывает легенду о всепоглощающей любви античного царя Мидаса к золоту и о той «уступочке», которая, по его мнению, нужна, чтобы избежать участи злополучного царя, лишившегося из-за любви к золоту возможности есть и пить.

Как следует понимать «уступочку» Белоносова, становится понятно, когда он, оставшись один, изумленно восклицает: «Удивительно создан белый свет, и нет в нем удивительнее скотины, как венец творения, человек... Например, я. Что я такое?.. Иногда сам себе удивляюсь, ей-богу... Сколько это нахальства и подлости в одном человеке может поместиться, и совести ни капельки». Отказ от человечности — вот условие для «процветания», для обманчивого «золотого счастья». И эту «уступочку» принял Белоносов, не сознавая, что подписал себе смертный приговор. В этом — кульминационный момент сюжетной линии, связанной с крушением в недалеком будущем судьбы горе-героя.

Торжество новых хищников, как свидетельствует пьеса, временно. Это видно на примере Засыпкина. Обогатившись за счет разорения братьев Ширинкиных, «высосав» капитал из двух богатых жен, он должен бы считать себя на вершине блаженства, но этого не происходит: золото не принесло счастья. И он, по-прежнему считая, что золото всеильно, обратил вождельно свои взоры на Анисью, решив хитростью и подлостью завладеть ее молодостью, красотой, любовью, чтобы хоть как-то скрасить богатую, но безрадостную старость. Но с помощью золота купить любовь и счастье оказалось невозможным. «Золотом всего не купишь», — делает вывод автор устами старой няньки Мосевна, олицетворяющей мудрость народа. Поддавшись власти золота, герои неизбежно теряют и губят себя, как убеждает жизнь и ход развития всего действия пьесы. Полный крах Засыпкина — это будущее, ко-

торое ожидает торжествующего пока Белоносова. На эту связь и намекает та же нянька Мосевна. Узнав, что Белоносов жаждет обогащения, она предупреждает: «Жениться тебе, паренек, надо... замотаешься с деньгами-то!» Тот в ответ самодовольно смеется: «Женимся, когда время придет, а теперь на чужих жен посмотрим». Однако так и поступал когда-то Засыпкин. «Сам тоже был молодой-то, любил, где плохо лежит», — вспоминает он о своих былых любовных похождениях. А теперь вот пожинает их смертоносные плоды.

В судьбе всех героев прослеживается несоответствие личных замыслов и конечных результатов. Так, не привели к счастью хищнические замыслы Анисьи. Рушатся хищные планы Засыпкина. Чувство гадливости вызывают в финале поклонники золота Белоносов и Молоков. Несчастливы и слабые сторонники человечности: бесплодны усилия Ширинкина и Марфы Лукиничны, обречены на гибель Вая и Лена...

Всем ходом событий пьеса свидетельствует о том, что такие итоги не являются результатом только субъективных факторов, что отдельные судьбы всегда зависят от сил и процессов, которые происходят в обществе и природе в целом. Глубинные социальные противоречия и отражает главный конфликт пьесы «На золотом дне» — непримиримый конфликт *власти золота и человечности*. Это объясняется тем, что, будучи объектом наживы, золото, деньги всегда разъединяют людей, делают их врагами, превращают в хищников, уродуют их духовный мир и мораль, рожают самые низкие, животные инстинкты, разрушают родственные и семейные чувства и связи. «Большая муть от этого самого золота идет... На погибель оно, вот што», — заявляет в пьесе старая нянька Мосевна. На таком пути средство неоправданно подменяет собой цель и тем губит ее. В этом заключается объективный закон жизни. «На золотом дне» счастья нет, — убеждает пьеса.

Поэтика данной трагикомедии такова, что, как и пьесы Чехова, она помогает читателю-зрителю размышлять над мечтами, поступками и результатами, над ошибками горе-героев и делать собственные выводы из наблюдений над их трагическими судьбами. Нет сомнений, что актуальность и злободневность этой пьесы со временем будет только возрастать, пока в нашем обществе не станет доминировать человеческое мировоззрение.

Несомненно, что Мамин-драматург является предшественником Чехова-драматурга, который своими известными трагикомедиями доказал, что спасение — в изменении мировоззрения каждого и всех, в его качественном совершенствовании с учетом объективных принципов и законов, всеобщих, а потому и личных, и социальных, и общечеловеческих.

Театрам, читателю, зрителю еще предстоит знакомство с подлинным Маминым-драматургом, автором социально-психологической пьесы с гуманной общечеловеческой значимостью, не подверженной старению. Эта пьеса предельно актуальна именно сегодня, в наш век мировоззренческого и духовно-нравственного бездорожья.

Ключевые слова: *Мамин-Сибиряк*, «Золотопромышленники», «На золотом дне», «новая драма», пьесы чеховского типа

Victor L. Udalov

Doctor of Philological Science, Volyn National University (Lutsk, Ukraine)

E-mail: *rusistvolin@rambler.ru*

D. N. MAMIN-SIBIRYAK'S PLAY "AT THE GOLD BOTTOM" — FINAL VERSION OF "GOLD MINERS"

The article presents an overview of the D. N. Mamin-Sibiriyak's drama works, focusing on his central play "Gold miners", which in the final version became known as the "At the Gold Bottom". Various stage productions and screen versions of Mamin-Sibiriyak's plays are compared. The author narrowed down the genre definition of "At the Gold Bottom" as a satiric tragicomedy. It is demonstrated that the conceptual conflict of the play generated certain poetics which played a significant role in the process of evolution of the "new drama" of the late 19th century, as well as the appearance of the Chekov type plays.

Key words: *Mamin-Sibiriyak's*, "Gold mines", "At the gold bottom", "new drama", plays Chekhov's type

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

- Bauman Ye. *Iskusstvo kino (Art of Cinema)*, 1958, № 4, pp. 53–55. (in Russ.).
- D. N. *Mamin-Sibiriyak v vospominaniyakh sovremennikov* (D. N. Mamin-Siberian in the memoirs of contemporaries), Sverdlovsk: Sverdlovskoe knizhnoe izdatelstvo, 1962, 351 p. (in Russ.).
- Dergachev I. A. *Uralskiy sovremennik* (Ural contemporary), 1952, № 3, pp. 209–224. (in Russ.).
- Gruzdev A. Moscow: Goslitizdat, 1958, 184 p. (in Russ.).
- Mamin-Sibiriyak D. N. *Ural* (Ural), 1967, № 8. (in Russ.).
- Mamin-Sibiriyak D. N. Ekaterinburg: Bank kulturnoy informatsii, 2002, Vol. 1, 911 p. (in Russ.).
- Mamin-Sibiriyak D. N. Ekaterinburg: Bank kulturnoy informatsii, 2003, Vol. 2, Book 1, 743 p. (in Russ.).
- Mamin-Sibiriyak D. N. Ekaterinburg: Bank kulturnoy informatsii, 2006, Vol. 2, Book 2, 598 p. (in Russ.).
- Mamin-Sibiriyak D. N. Ekaterinburg: Bank kulturnoy informatsii, 2007, Vol. 3, 911 p. (in Russ.).
- Mamin-Sibiriyak D. N. Ekaterinburg: Bank kulturnoy informatsii, 2007, Vol. 4, 703 p. (in Russ.).
- Matskin A. *Teatr* (Theater), 1955, № 10, pp. 60–62. (in Russ.).
- Teplinskiy M. V. Kiev: Vishcha shkola, 1991, 423 p. (in Russ.).
- Udalov V. *Literaturnaya Rossiya* (Literary Russia). Moscow, 1968, № 25. (in Russ.).
- Udalov V. *Вільна Україна* (Free Ukraine), 1973, January 7, p. 3. (in Ukrain.).